

Сказки братьев Гримм. Вор в терновнике (Еврей в терновнике)

Жил однажды на белом свете богач, и у того богача был слуга, который служил ревностно и честно, вставал каждое утро раньше всех и позже всех ложился вечером, и где была тяжелая работа, другим не по силам, там он всегда первый за нее принимался. При этом он ни на что не жаловался, был всегда доволен и всегда весел.

Когда окончился год его службы, господин его не дал ему никакого жалованья, подумав: «Этак-то лучше, и я на этом сохраню кое-что, и он от меня не уйдет, а останется у меня на службе».

Слуга не сказал ему ни слова, и во второй год исполнял ту же работу, что и в первый. И даже тогда, когда и за второй год он не получил никакого жалованья, примирился с этим и остался по-прежнему на службе.

По прошествии и третьего года господин спохватился, стал рыться в кармане, однако ничего из кармана не вынул. Тогда наконец слуга заговорил: «Я, сударь, честно служил вам три года сряду, а потому будьте так добры, дайте мне то, что мне следует получить по праву; мне бы хотелось от вас уйти и

повидать свет белый». А скряга и отвечал ему: «Да, милый мой слуга, ты мне служил прекрасно и должен быть за это вознагражден надлежащим образом». Сунул он руку опять в карман и геллер за геллером отсчитал ему три монетки... «Вот тебе за каждый год по геллеру – это большая и щедрая плата, какую ты мог бы получить лишь у очень немногих господ».

Добряк-слуга немного смыслил в деньгах, спрятал свой капитал в карман и подумал: «Ну, теперь у меня полнешенок карман денег – так о чем мне и тужить? Да не к чему и затруднять себя тяжелой работою!»

И пошел путем-дорогою по горам, по долам, весело припевая и припрыгивая на ходу.

Вот и случилось, что в то время, когда проходил он мимо чащи кустов, вышел к нему оттуда маленький человечек и спросил: «Куда путь держишь, веселая голова? Вижу я, что ты ничем особенно не озабочен». – «А о чем же мне и печалиться? – отвечал парень. – Карман у меня полнешенок – в нем бренчит у меня жалованье, полученное за три года службы». – «А велика ли вся твоя казна?» – спросил человечек. «Велика ли? А целых три геллера звонкой монетой!» – «Послушай, – сказал человечек, – я бедный, нуждающийся человек, подари мне свои три геллера: я уж ни на какую работу не пригоден, а ты еще молод и легко можешь заработать свой хлеб».

Парень был добросердечный и притом почувствовал жалость к человечку; подал ему свои три монеты и сказал: «Прими Христову милостыньку, а я без хлеба не останусь». Тогда сказал человечек: «Видя твое доброе сердце, я разрешаю тебе высказать три желания – на каждый геллер по желанию – и все они будут исполнены!» – «Ага! – сказал парень. – Ты, видно, из тех, которые любят пыль в глаза пускать! Ну, да если уж на то пошло, то я прежде всего желаю получить такое ружье, которое бы постоянно попадало в намеченную цель; а во-вторых, желаю получить такую скрипку, на которой, чуть заиграю, так чтобы все кругом заплясало; а в-третьих, если к кому обращусь с просьбою, так чтобы мне в ней отказу не было». – «Все это я тебе даю», – сказал человечек, сунул руку в куст – и поди ж ты! – достал оттуда, словно по заказу, и ружье, и скрипку.

Отдавая и то и другое парню, он сказал: «Если ты кого попросишь о чем, то ни один человек на свете тебе не откажет». «Вот у меня и есть все, чего душа желает!» – сказал сам себе парень.

Вскоре после того повстречался ему на пути еврей с длинной козлиной бородкой; он стоял и прислушивался к пению птички, сидевшей очень высоко, на самой вершине дерева. «Истинное чудо! – воскликнул он наконец. – У такой маленькой твари и такой голосище! Эх, кабы она была моею! Жаль, что ей никто не может на хвост соли насыпать!» – «Коли только за этим дело стало, – сказал парень, – так птицу мы оттуда сейчас спустим!» Приложился он и так ловко попал, что птица упала с дерева в терновник. «Слушай, плутяга, – сказал парень еврею, – вынимай оттуда свою птицу». – «Ну что же, я подберу свою птицу, коли уж вы в нее попали!» – сказал еврей, лег на землю и давай продираться внутрь тернового куста.

Когда он залез в самую середину кустарника, вздумалось парню подшутить – взялся он за скрипку и давай на ней наигрывать. Тотчас же начал и еврей поднимать ноги вверх и подскакивать, и чем более парень пилил на своей скрипке, тем шибче тот приплясывал. Но шипы терновника изодрали его ветхое платьишко, растеребили его козлиную бороденку и перецарапали ему все тело. «Да что же это за музыка! – крикнул, наконец, еврей. – Что за музыка! Пусть господин перестанет играть, я вовсе не хочу плясать!» Но парень не очень его слушал и думал про себя: «Ты довольно людей дурачил – пусть-ка теперь тебя терновник поцарапает!» – и продолжал наигрывать, а еврей все выше и выше подскакивал, и лохмотья его одежды то и дело оставались на иглах терновника.

«Ай, вей! – взмолился он. – Лучше уж я дам господину, что он желает – дам целый кошелек с золотом, лишь бы он играть перестал!» – «0! Если ты такой щедрый, – сказал парень, – то я, пожалуй, и прекращу мою музыку; однако же должен тебя похвалить – ты под мою музыку отлично плясешь!» Затем получил он от еврея кошелек и пошел своей дорогой.

Еврей же остался на том же месте и все смотрел вслед парню, пока тот совсем у него не скрылся из глаз; а тогда и начал

кричать, что есть мочи: «Ах, ты, музыкант грошовый! Ах ты, скрипач из пивной! погоди уж: дай мне с тобой глаз на глаз встретиться! Так тебя пугну, что во все лопатки бежать от меня пустишься!» – и кричал, и ругался, сколько мог.

А когда он эту бранью немного пооблегчил себе душу, то побежал в город к судье. «Господин судья, – ай, вей! – извольте посмотреть, как на большой дороге какой-то злодей меня ограбил и что со мною сделал! Камень, и тот должен был бы надо мною сжалиться! Извольте видеть: платье все в клочья изорвано! Тело исколото и исцарапано! И весь достаточек мой, вместе с кошельком, у меня отнят! А в кошельке-то все червонцы, один другого лучше! Ради Бога, прикажите злодея в тюрьму засадить!»

Судья спросил: «Да кто же он был? Солдат, что ли, что тебя так саблей отделал?» – «Ни-ни! – сказал еврей. – Шпаги обнаженной при нем не было, только ружье за спиной да скрипка под бородою; этого злодея не мудрено узнать!»

Выслал судья свою команду, и его посланные легко отыскали парня, который преспокойно шел своею дорогой; да у него же и кошель с золотом нашли.

Призванный в суд, он сказал: «Я к еврею не прикасался и денег у него не брал, он сам по доброй воле мне деньги предложил, лишь бы только я перестал играть на скрипке, потому что он не мог выносить моей музыки». – «Никогда! Как можно! – закричал еврей. – Все-то он лжет, как мух ловит!»

Но судья и без того парню не поверил и сказал: «Плохое ты нашел себе оправдание – не может быть, чтобы еврей тебе по доброй воле деньги дал!» И присудил добродушного парня за грабеж на большой дороге к повешению.

Когда его повели на казнь, еврей не вытерпел, закричал ему: «А, живодер! А, собачий музыкант! Теперь небось получишь заслуженную награду!»

А парень преспокойно поднялся с палачом по лестнице на виселицу, и обернувшись на последней ступеньке ее, сказал судье: «Дозвольте мне обратиться к вам перед смертью с некоторою просьбою!» – «Ладно, – сказал судья, – позволяю; не проси только о помиловании». – «Нет, прошу не о помиловании, –

отвечал парень, – а о том, чтобы мне напоследок дозволено было еще раз сыграть на моей скрипке».

Еврей закричал благим матом: «Ради Бога, не позволяйте ему!» Но судья сказал: «Почему бы мне ему этого не позволить? Пусть потешится перед смертью, а затем – ив петлю». Но он и не мог отказать ему вследствие особого дара, который был дан парню человеком... Еврей же стал кричать: «Ай, вей! Ай, вей! Вяжите, вяжите меня покрепче!»

Тогда добродушный парень снял свою скрипку с шеи, настроил ее, и чуть только первый раз провел по ней, все стали шаркать ногами и раскачиваться – и судья, и писцы его, и судейские, и даже веревка выпала из рук того, кто собирался скрутить еврея. При втором ударе смычка все подняли ноги, а палач выпустил добродушного парня из рук и приготовился к пляске... При третьем ударе все подпрыгнули на месте и принялись танцевать – и судья с евреем впереди всех, и выплясывали лучше всех.

Вскоре и все кругом заплясало, все, что сбежалось на базарную площадь из любопытства, – старые и малые, толстяки и худощавые; даже собаки, и те стали на задние лапы и стали прыгать вместе со всеми. И чем далее играл он, тем выше прыгали плясуны, так что даже головами стали друг с другом стучаться, и напоследок все подняли жалобный вой.

Наконец судья, совсем выбившись из сил, закричал парню: «Дарю тебе жизнь, только перестань же играть!»

Добродушный парень внял его голосу, отложил скрипку в сторону, опять повесил ее себе на шею и сошел с лестницы. Тогда подошел он к еврею, который лежал в растяжку на земле, не будучи в силах перевести дыхание, и сказал ему: «Негодяй! Теперь сознайся, откуда у тебя деньги – не то сниму скрипку и опять стану на ней играть». – «Украл я, украл деньги! – закричал еврей в отчаянии. – А ты честно их заработал».

Услышав это, судья приказал вести еврея на виселицу и повесить, как вора.

(Голосов: **3**. Рейтинг: **5,00** из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Саван (Маленький саван)

У одной матери был мальчик лет семи, такой хорошенький и милый, что никто не мог взглянуть на него, не приласкав, а для матери он был милее всего на свете.

Вдруг ребенок заболел и Господь призвал его к себе... Мать неутешно по нем плакала день и ночь.

Но вскоре после того, как ребенок был погребен, он стал ночью являться на тех местах, где он при жизни сживал и игрывал; если мать плакала, плакал и ребенок и с наступлением утра исчезал.

Но так как мать не унималась от плача, то ребенок пришел к ней однажды ночью в саване и с венком на голове, как был в гроб положен, присел в ногах ее постели и сказал: «Матушка, да перестань же плакать, а то мне нет покоя в моем гробике, потому что мой саван не просыхает от твоих слез, а они все на него прямо падают». Мать испугалась этих слов и не стала плакать более.

На следующую ночь ребенок пришел опять; он держал в руке свечечку и сказал матери: «Видишь, теперь мой саван скоро

совсем обсохнет, и мне будет спокойно спать в моей могилке». Тогда мать возложила печаль свою на милосердие Божие, стала переносить свое горе спокойно и терпеливо и ребенок не приходил уже к ней более и спокойно спал на своем могильном ложе.

(Голосов: 3. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Grimm. Ганс-ёжик (Ганс мой Ёж)

Жил-был мужик, у которого и денег, и добра было достаточно; но как ни был он богат, а все же кое-чего недоставало для его полного счастья: у него и его жены не было детей.

Частенько случалось, что его соседи-мужики по пути в город смеялись над ним и спрашивали, почему у него детей нет. Это наконец озлобило его, и когда он пришел домой, то сказал жене: «Хочу иметь ребенка! Хоть ежа, да роди мне!»

И точно, родила ему жена ребенка, который верхней частью тела был ежом, а нижней – мальчиком, и когда она ребенка увидела, то перепугалась и сказала мужу: «Видишь, что ты наделал своим недобрым желанием!» – «Что же теперь делать? – сказал муж. –

Крестить его надо, а никого нельзя к нему в крестные позвать». Отвечала жена мужу: «Мы его иначе и окрестить не можем, как Гансом-ежиком».

Когда ребенка крестили, священник сказал, что его из-за игл ни в какую порядочную постельку положить нельзя. Вот и приготовили ему постельку за печкой – подстелили немного соломки и положили на нее Ганса-ежика. И мать тоже не могла кормить его грудью, чтобы не уколоться его иглами. Так и лежал он за печкой целых восемь лет, и отец тяготился им и все думал: «Хоть бы он умер!» Но Ганс-ежик не умер, а все лежал да лежал за печкой.

Вот и случилось, что в городе был базар и мужику надо было на тот базар ехать; он спросил у своей жены, что ей с базара привезти? «Немного мяса да пару кружков масла для дома», – сказала жена. Спросил мужик и у работницы, та просила привезти ей пару туфель да чулки со стрелками. Наконец он сказал: «Ну, а тебе, Ганс-ежик, что привезти?» – «Батюшка, – сказал он, – привези мне волынку».

Вернувшись домой, мужик отдал жене мясо и масло, что было по ее приказу куплено, отдал работнице ее чулки и туфли, наконец полез и за печку и отдал волынку Гансуежику.

И как только Ганс-ежик получил волынку, так и сказал: «Батюшка, сходи-ка ты в кузницу да вели моего петушка подковать – тогда я от вас уеду и никогда более к вам не вернусь». Отец-то обрадовался, что он от него избавится; велел ему петуха подковать, и когда это было сделано, Ганс-ежик сел на него верхом да прихватил с собой еще свиней и ослов, которых он собирался пасти в лесу.

В лесу должен был петушок взнести Ганса-ежика на высокое дерево; там и сидел он и пас ослов и свиней, пока стадо у него не разрослось; а отец ничего о нем и не знал. Сидя на дереве, Ганс-ежик надувал свою волынку и наигрывал на ней очень хорошо.

Случилось как-то ехать мимо того дерева королю, заблудившемуся в лесу, и вдруг услышал он музыку. Удивился король и послал своего слугу узнать, откуда она слышна. Тот осмотрелся и увидел только на дереве петушка, на котором сидел верхом еж и

играл на волынке. Приказал король слуге своему спросить, зачем он там сидит, да и, кстати, не знает ли он, какой дорогой следует ему вернуться в свое королевство?

Тогда Ганс-ежик слез с дерева и сказал, что он сам покажет дорогу, если король письменно обяжется отдать ему то, что он первое встретит по возвращении домой на своем королевском дворе. Король и подумал: «Это не мудрено сделать! Ведь Ганс-ежик не понимает грамоты, и я могу написать ему, что вздумается».

Вот и взял король перо и чернила, написал что-то на бумаге и передал Гансу; а тот показал ему дорогу, по которой король благополучно вернулся домой.

А дочь-то его, еще издали завидев отца, так ему обрадовалась, что выбежала навстречу и поцеловала его. Тут и вспомнил он о Гансе-ежике, и рассказал дочери все, что с ним случилось, и что он какому-то диковинному зверю должен был письменно обещать то, что ему дома прежде всего встретится; а тот зверь сидел верхом на петухе, как на коне, и чудесно играл на волынке. Рассказал король дочке, как он написал в записке, что «первоначальное Гансуежику не должно достаться», потому как тот грамоту не понимает. Королевна обрадовалась и похвалила отца, потому она все равно к тому зверю не пошла бы.

Ганс-ежик тем временем продолжал пасти свиней и ослов, был весел, посиживая на своем дереве и поигрывал на волынке.

Вот и случилось, что другой король заблудился в том же лесу и, проезжая под деревом со своими слугами и скороходами, тоже не знал, как ему из этого большого леса выбраться. Услышал и он издали чудесную музыку волынки и приказал своему скороходу пойти и разузнать, что это такое.

Побежал скороход к дереву, на котором сидел петух, а на нем и Ганс-ежик верхом. Скороход спросил Ганса, что он там делает. «А вот, пасу моих ослов и свиней; а ты чего желаешь?»

Скороход отвечал, что его господин со свитой своею заблудился и не может найти дороги в свое королевство, так не выведет ли он их на дорогу?

Тогда Ганс-ежик сошел с дерева со своим петухом и сказал старому королю, что он укажет ему дорогу, если тот отдаст ему

в собственность первое, что встретится ему по приезде домой перед его королевским замком.

Король на это согласился и утвердил договор своею подписью. После этого Ганс поехал вперед на своем петухе, показал королю дорогу, и тот благополучно добрался до дому.

Когда он въезжал во двор, в замке воцарилась большая радость. И вот его единственная дочь, красавица собой, выбежала ему навстречу, бросилась на шею и целовала его, и радовалась возвращению своего старого отца.

Она стала его расспрашивать, где он так замешкался, а отец и рассказал ей, как он заблудился и как попал наконец на дорогу. «Может быть, я бы и совсем к тебе не вернулся, кабы не вывел меня на дорогу какой-то получеловек и полууж, который где-то гнезвился на дереве, сидя верхом на петухе, и отлично играл на волынке... Ну, я и должен был пообещать, что отдам ему в собственность то, что по возвращении домой прежде всего встречу на моем королевском дворе». И он добавил, как ему было больно, что встретила ему дочь. Но дочь сказала, что из любви к отцу охотно пойдет за этим полуужом и получеловеком, когда он за ней придет.

А между тем Ганс-ежик пас да пас своих свиней, а от тех свиней родились новые свиньи, и размножились они настолько, что заполнили собою весь лес.

Да уж Гансу-ежику не захотелось более оставаться в лесу, и он попросил сказать отцу, чтобы тот очистил от скота все хлевы в деревне, потому что он собирается пригнать в деревню огромное стадо, из которого каждый может заколоть сколько хочет себе на потребу.

Эта весть отца только опечалила, так как он думал, что Ганса-ежика давно и в живых уже нет. А Ганс сел себе преспокойно на своего петушка, погнал перед собою свое стадо свиней в деревню и приказал свиней колоть; поднялся от этой резни и от рубки мяса такой стук и шум, что за два часа пути до деревни было слышно.

Затем Ганс-ежик сказал отцу: «Батюшка, прикажите-ка кузнецу еще раз перековать моего петушка, тогда я на нем от вас уеду и уже до конца жизни домой не вернусь».

Велел отец перековать петушка и был очень рад тому, что сынок его не желает никогда более возвращаться в его дом.

Ганс-ежик поехал сначала в первое королевство, в котором король отдал такой приказ: если приедет в его страну кто-нибудь верхом на петухе да с волынкой в руках, то все должны были в него стрелять, его колоть или рубить – лишь бы он каким-нибудь образом не проник в его замок.

Когда Ганс-ежик подъехал к замку на своем петухе, все бросились на него, но он дал своему петуху шпоры, перелетел через ворота замка к самому окну королевского покоя и, усевшись на нем, стал кричать, что король должен ему выдать обещанное, а не то и он, и дочь его должны будут поплатиться жизнью.

Тут стал король свою дочку уговаривать, чтобы она к Гансу-ежику вышла ради спасения его и своей собственной жизни.

Вот она нарядилась вся в белое, а отец дал ей карету с шестериком лошадей и богато одетыми слугами, а также и денег и всякого добра. Она села в карету, и Ганс-ежик со своим петушком и волынкой сел с нею рядом.

Распрощались они с королем и поехали, и отец-король подумал, что ему уж никогда более не придется с дочерью свидеться.

Но дело вышло совсем не так, как он думал: недалеко отъехав от города, Ганс-ежик сорвал с королевны нарядное платье, наколот ей тело своими иглами до крови и сказал: «Вот вам награда за ваше коварство! Убирайся, ты мне не нужна!» И прогнал ее домой, и была им она опозорена на всю жизнь.

А сам-то Ганс-ежик поехал далее на своем петушке и со своей волынкой к другому королю, которого он также вывел из леса на дорогу. Тот уже отдал приказ, что если явится к его замку кто-нибудь вроде Ганса-ежика, то стража должна была ему отдать честь оружием, свободно пропустить его, приветствовать его радостными кликами и провести в королевский замок.

Когда королевна увидела приезжего, то была перепугана, потому что он уж слишком показался ей странен, но она и не подумала отступить от обещания, данного отцу своему.

Она приняла Ганса-ежика очень приветливо, и он был с нею обвенчан; вместе пошли они к королевскому столу, и сели рядом,

и пили, и ели.

По наступлении вечера, когда уж надо было спать ложиться, королева очень стала бояться игла Ганса-ежика, а он сказал ей, что бояться она не должна, потому что он ей не причинит никакого вреда.

В то же время он сказал старому королю: «Прикажи поставить четырех человек настороже около дверей моей опочивальни, и пусть они тут же разведут большой огонь; войдя в опочивальню и ложась в постель, я скину с себя свою ежовую шкурку и брошу ее на пол перед кроватью; тогда те четверо стражников пусть разом ворвутся в опочивальню, схватят шкурку и бросят ее в огонь да присмотрят, чтобы она вся дотла сгорела».

И вот, едва пробили часы одиннадцать, он ушел в свою комнату, скинул шкурку и бросил на пол около кровати; те, что были настороже за дверями, быстро вошли в комнату, схватили шкурку и швырнули ее в огонь.

Когда же шкурка сгорела дотла, Ганс-ежик очутился в постели таким же, как и все люди, только все тело у него было как уголь черное, словно обожженное.

Король прислал к нему своего врача, который стал обливать его всякими хорошими снадобьями и растирать бальзамами; и стал он совсем белый, и молодой, и красивый.

Увидев это, королева была радешенька, и на следующее утро поднялись они превеселые, и стали пить и есть, и только тут настоящим образом были повенчаны, и Гансежик получил все королевство в приданое за своей супругой.

По прошествии нескольких лет Ганс задумал съездить с женою к своему отцу и сказал ему: «Я твой сын»; но отец отвечал ему, что у него нет сына, – один только и был такой, что родился покрытый иглами, словно еж, да и тот ушел бродить по белу свету. Однако же Ганс дал отцу возможность себя узнать; и тот радовался встрече с сыном, и поехал с ним вместе в его королевство.

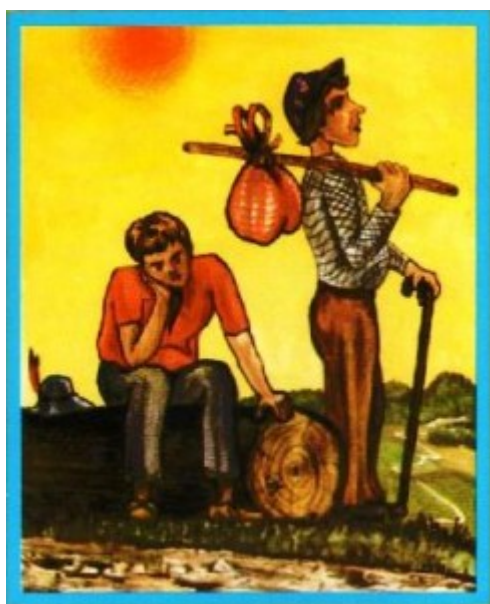
Вот и сказке конец.

А мне за нее денег ларец.

(Голосов: 3. Рейтинг: 5,00 из 5)

Сказки братьев Гримм. Два странника

Гора с горой не сходится, а человек с человеком, и добрый, и злой, где-нибудь все же сойдутся. Вот так-то однажды на пути сошлись портной с башмачником. Портной был небольшого роста, красивый малый и притом всегда веселый и довольный. Он увидел издали башмачника, и так как он по его котомке узнал уже, каким ремеслом тот занимается, то он ему в насмешку и спел:

Эй, башмачник, не спи,
Швы все дратвой крепи,
Все кругом смолой залей
И гвоздочки все забей.

Башмачник шутить не любил: наморщил рожу, словно уксусу напился, и намеревался ухватить портного за шиворот. Но весельчак-портной стал смеяться, подал ему свою фляжку и

сказал: «Ведь это я шутя! Вот на-ка отхлебни, да и уйми свою желчь».

Башмачник, и точно, здорово отхлебнул из фляги, и по лицу его стало заметно, что гроза рассеялась. Он возвратил флягу портному и сказал: «Я отхлебнул из нее порядком; ну, да что об этом говорить? Пилось бы, пока пить хочется! А не хочешь ли ты со мною вместе идти путем-дорогою?» – «И прекрасно, – отвечал портной, – если только ты не прочь идти со мною в большой город, где и в работе не бывает недостатка». – «Вот именно туда-то я и направлялся! – сказал башмачник. – Ведь в небольшом местечке и заработаешь немного; а в деревнях люди охотнее босиком ходят, чем в сапогах».

И пошли они далее уже вместе. Досуга-то у них обоих было довольно, а покусать-то им было почти нечего.

Придя в большой город, они всюду ходили и бродили, всюду свое ремесло предлагали, и портному везло не на шутку...

Он был такой свежий, да розовый, да веселый, что каждый охотно давал ему работу; а посчастливится, так еще и от хозяйской дочки то здесь, то там поцелуйчик перепадет.

Когда он сходил с башмачником, то в его узле было всегда больше добра. Угрюмый башмачник скроит, бывало, сердитую рожу, и сам про себя думает: «Чем человек лукавее, тем и счастья ему больше!» Однако же портной начинал хохотать, а то и запевал песенку, и все полученное делил с товарищем пополам. А если шевелилась в его кармане пара геллеров, то он еще и угостит, бывало, да по столу от радости стучит так, что вся посуда пляшет, – и это называлось у него: «Легко заработано, живо и спущено».

Пространствовав некоторое время, пришли они однажды к большому лесу, через который пролегала дорога к городу, где жил король. Но через лес вели две тропинки – одна в семь дней пути, другая – всего в два. Однако же ни один из них не знал, которая из тропинок короче.

Оба странника наши уселись под дубом и стали совещаться, как они запасутся и на сколько дней возьмут с собой хлеба. Башмачник и сказал: «Надо на большее время рассчитывать – я возьму на всякий случай хлеба на семь дней с собой». – «Что-о?

– воскликнул портной. – Чтобы я стал на своей спине тащить запас хлеба на семь дней, словно вьючная скотина, так что и шею повернуть нельзя будет! Нет, я на Бога надеюсь и ни о чем не стану заботиться! Ведь деньги у меня в кармане и зимой, и летом те же, а хлеб-то в жаркое время не только засохнет, а еще и заплесневеет. И платье себе не шью с запасом... Как это может быть, чтобы мы не нашли настоящей дороги? Возьму себе запасу на два дня – и вся недолга».

И вот каждый купил себе свой запас хлеба, и пустились оба в лес наудачу. В лесу было тихо, как в церкви. Ни ветерок не веял, ни ручей не журчал, ни птички не пели, и сквозь густолиственные ветви не проникал ни один солнечный луч.

Башмачник не говорил ни слова; он так устал под тяжестью своего хлебного запаса, что пот струями катился с его сумрачного и сердитого лица. А портной был веселешенек, подпрыгивал, насвистывал или напевал песенку и думал про себя: «И Бог на небе радуется, видя меня такого веселого».

Так шло дело два дня сряду, но когда на третий день лесу все не было конца, а портной-то уж весь свой хлеб съел, то он невольно стал падать духом, однако все еще бодрился, возлагая надежду на Бога и на свое счастье. На третий день он лег вечером под деревом голодный и на следующее утро голодным же и поднялся. То же было и на четвертый день.

Когда башмачник садился на поваленное дерево, чтобы съесть свою порцию хлеба, портному – увы! – приходилось только смотреть на это со стороны. Если он просил кусочек хлеба у товарища, тот только посмеивался и говорил: «Ты был постоянно такой веселый, ну, так теперь попробуй, каково невеселым быть! Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела!» – одним словом, он был к нему безжалостен.

Но на пятое утро бедный портной не мог уж и на ноги подняться и от истощения с трудом мог произнести слово; щеки его побледнели, а глаза покраснели. Тогда башмачник сказал ему: «Сегодня я тебе дам кусочек хлеба, но за это я тебе выколю правый глаз». Несчастный портной, которому очень жить хотелось, не смог избежать этой жестокости: поплакал он еще раз обоими глазами и затем подставил их под острый нож

бессердечного башмачника, который и выколол ему правый глаз. Тут пришло на память портному то, что говаривала ему в детстве мать, когда, бывало, он чем-нибудь полакомится в кладовой: «Ешь столько, сколько можешь, а терпи столько, сколько должно».

Когда он съел свой столь дорого оплаченный кусок хлеба, он опять вскочил на ноги, позабыл о своем несчастье и утешал себя хоть тем, что он одним-то глазом еще может хорошо видеть.

Но на шестой день пути голод сказался снова и защемил его сердце. Он почти упал под дерево и на седьмое утро уже не мог от слабости подняться: он видел смерть у себя за плечами. Тут башмачник и сказал ему: «Я хочу из сострадания дать тебе и еще один кусок хлеба; но даром не дам, а выколю тебе еще и другой глаз за это».

Тут только осознал портной все свое легкомыслие, стал просить милосердного Бога о прощении и сказал башмачнику: «Делай, что ты должен делать, а я постараюсь все вынести; но помысли о том, что Господь Бог наш не сразу произносит свой суд на человеком: придет, пожалуй, и иной час, в который ты получишь возмездие за злодеяние, не заслуженное мною. Я при удаче делился с тобою всем, что у меня было. Мое ремесло все в том, чтобы стежок на стежок сажать... Ведь если ты лишишь меня обоих глаз, то мне останется только одно – идти нищенствовать. Сжался же надо мною и хотя бы не покидай меня в лесу».

Но башмачник, позабывший о Боге, вынув нож, выколол портному и левый глаз. Затем он дал ему кусок хлеба, подал ему конец палки в руку и повел его вслед за собою.

Когда солнце закатилось, они вышли из лесу; перед лесом на поляне стояла виселица. Туда-то и привел башмачник своего слепого спутника, покинул его около виселицы и пошел своею дорогою. Измученный усталостью, болью и голодом, несчастный заснул и проспал всю ночь.

Чуть утро забрезжилось, он проснулся, но не знал, где он лежит. А на виселице висели двое горемык, и у каждого на голове сидело по ворону. Вот и начал один из висельников говорить другому: «Брат мой, спишь ты или нет?» – «Нет, не сплю!» – отвечал ему другой висельник. «Так вот что я тебе

скажу, – заговорил снова первый, – роса, которая нынешнею ночью падала на нас с виселицы, обладает особою способностью – она возвращает зрение каждому, кто ею омоет глаза. Кабы это знали слепцы, так снова могли бы получить зрение, а им это даже и в голову не приходит».

Услышав это, портной вытащил платок из кармана, омочил его росой в траве и отер им свои глазные впадины. Вскоре после того портной увидел, как солнце стало вставать из-за горы, и перед ним на равнине раскинулся большой королевский город, с его дивными воротами и сотнями башен, и загорелись, заискрились на островерхих вышках золотые кресты и золотые яблоки...

Он мог различить каждый листок на деревьях, увидел снова птиц, летавших мимо, и мошек, которые толклись в воздухе. Он вынул иглу из кармана, и когда убедился, что может по-прежнему вдеть нитку в ушко, сердце его запрыгало от радости.

Он упал на колени, благодарил Бога за оказанную ему милость и прочел утреннюю молитву; не забыл он помолиться и за бедных грешников, которые покачивались на виселице. Затем он вскинул свой узелок на плечо, махнул рукою на перенесенные сердечные муки и пошел далее, припевая и посвистывая.

Первое, что ему встретилось на пути, был гнедой жеребенок, носившийся по полю на полной свободе. Портной схватил было его за гриву, собираясь вскочить на него и проехать на нем в город, но жеребенок стал просить, чтобы он его освободил. «Я еще слишком молод, – сказал он, – и даже тощий портняжка, как ты, может мне сломать спину; пусти меня побегать, куда я окрепну. Может быть, придет и такое время, когда я тебя за это вознагражу». – «Ну, что же? Побегай, – сказал портной, – вижу я, что ты до этого Охотник».

Он еще прихлестнул его маленько хворостинкой, и тот, от радости вскинув вверх задние ноги, помчался в открытое поле, перепрыгивая через изгороди и рвы.

Но портняга-то со вчерашнего дня ничего не ел. «Солнце-то теперь вижу, – говорил он сам себе, – а хлеба во рту ни крошки не чую. Первое, что встречу на пути, хотя бы и не очень съедобное, не уйдет от моих рук».

Как раз в это время аист преважно расхаживал по лугу. «Стой, стой! – закричал портной, хватая его за ногу. – Не знаю, годен ли ты в пищу или нет, но мой голод не позволяет мне долго разбирать – сверну тебе голову да зажарю». – «Не делай этого, – сказал аист, – я птица священная, никто мне зла никакого не делает, а я сам приношу людям немалую пользу. Коли ты пощадишь меня, сохранишь мне жизнь, я тебе сам когда-нибудь пригожусь». – «Ну, так проваливай, куманек долговязый», – сказал портной. Аист поднялся вверх, свесив на лету свои длинные ноги, и преспокойно полетел вдаль.

«Что же это будет? – говорил сам себе портняга. – Голод мой все возрастает, а желудок становится все тощей и тощей; нет, уж теперь что мне на дороге попадет, то пиши пропало!»

Вот и увидел он, что на пруду плавают пара утят. «Кстати вы пожаловали», – сказал он, подхватил одного из них и собирался уже ему свернуть шею.

Тут старая утка, засевшая в камышах, стала громко кричать, подлетела к портному с раскрытым клювом и слезно его молила, чтобы он сжалился над ее несчастными детками. «Подумай, – сказала она, – как бы стала сокрушаться твоя мать, если бы кто задумал тебя у нее унести да шею тебе свернуть». – «Ну, успокойся! – сказал добродушный портной. – Твои детки останутся в целости». И он пустил утенка в пруд.

Отвернувшись от пруда, портной очутился перед старым дуплистым деревом и увидел, что дикие пчелы то и дело влетают в дупло и вылетают из него.

«Вот и награда за доброе дело готова! – воскликнул портной. – Хоть медком-то потешу себя».

Но пчелиная матка вылезла из улья, пригрозила ему и сказала: «Коли ты коснешься моего роя да вздумаешь разорить мой улей, то мы вопьемся в твое тело тысячами наших жал, словно раскаленными иглами. Если же оставишь нас в покое и пойдешь своею дорогою, то мы тоже тебе когда-нибудь пригодимся». Увидел портняга, что и здесь ничего не поделаешь. «Три блюда пустые, да и на четвертом нет ничего – с этого сыт не будешь!» – подумал он.

Потащился он со своим голодным брюхом в город, и так как был в

это время полдень, то в гостиницах кушанье было уже готово и он мог тотчас же сесть за стол. Насытившись, он сказал себе: «Теперь пора и за работу!»

Походил он по городу, стал себе искать хозяина и вскоре нашел хорошее место.

А так как ремесло свое он знал основательно, то ему удалось немного спустя приобрести известность, и все хотели непременно сшить себе платье у маленького портного.

С каждым днем его положение улучшалось. «Я, кажется, шью так же, как и прежде, – сказал он, – а между тем дела мои день ото дня идут лучше и лучше».

Наконец уж и сам король возвел его в звание своего придворного портного.

Но ведь вот как на свете бывает! В тот самый день, когда он был удостоен этой почести, его бывший товарищ тоже был возведен в придворные башмачники. Когда тот увидел портного и притом заметил, что у него целы оба глаза, его вдруг стала мучить совесть. «Прежде чем он мне станет метить, – подумал башмачник, – я постараюсь ему вырыть яму». Ну, а уж давно известно, что кто другому яму роет, нередко сам в нее попадает.

Вечерком покончив с работой, после наступления сумерек башмачник прокрался к королю и сказал: «Господин король, этот портной мастер – человек высокомерный; он похвастал как-то, будто может добыть ту золотую корону, которая с давних пор из твоей казны пропала». – «Это было бы мне очень приятно», – сказал король, приказал позвать к себе на другое утро портного и велел ему или добыть эту корону, или же навсегда покинуть город.

«Ого, – подумал портной, – уж очень он на меня надеется... И если король вздумал требовать от меня то, чего никто из людей сделать не может, так я и до завтра ждать не стану: сегодня же выеду из города».

Связал он свой узел, но едва только задумал выйти из ворот, взгрустнулось ему, что он должен покидать свое счастье и уходить из города, в котором дела у него шли так хорошо.

Он подошел к тому пруду, где познакомился с утками, и увидел,

что старая утка, которой он пощадил утенка, сидит на берегу и очищает себе перья клювом.

Та его тотчас узнала и спросила, чем он так опечален. «Не мудрено запечалиться – ты это и сама поймешь, как узнаешь мое горе», – отвечал утке портной и все рассказал ей по порядку. «Ну, коли только-то, – сказала утка, – так этому горю еще пособить можно. Та корона к нам в пруд попала и лежит на дне; мы ее тотчас и добыть можем. Ты только расстели свой платок на берегу».

Нырнула она со своими двенадцатью утятами и несколько мгновений спустя всплыла снова: она сидела внутри самой короны, а двенадцать ее утят плыли кругом, подложив свои клювы под корону и поддерживая ее на поверхности воды. Они подплыли к берегу и положили корону на платок.

И представить себе нельзя, что это была за корона, когда ее осветило солнце и она заблестала тысячами драгоценных камней! Портной связал свой платок четырьмя концами в узелок и отнес корону к королю, который себя не помнил от радости и повесил портному золотую цепь на шею.

Когда башмачник увидел, что первая проделка ему не удалась, он задумал и другую; явился к королю и сказал: «Господин король, портной-то теперь уж так вознесся, что хвалится, будто сумеет из воску слепить весь королевский замок со всем, что в замке находится».

Король позвал портного и приказал ему вылепить из воску весь королевский замок со всем, что в нем и около него находилось, а если не вылепит или не будет хватать в его слепке хоть одного гвоздя в стене, то придется ему всю жизнь просидеть в подземелье.

Портной подумал: «Ну, дело-то не к лучшему идет! Это уж никому не под силу сделать!» – вскинул узел за спину и пошел из города.

Когда он подошел к дуплистому дереву, то присел у корня его и опустил голову на грудь.

Пчелы полетели из улья, и матка пчелиная стала его спрашивать: «Почему это у тебя голова на плечах не держится? Или шея ослабела?» – «Эх, не знаешь ты, какое горе мне сердце давит»,

– отвечал портной и рассказал ей, чего от него король потребовал. Пчелы стали между собою жужжать и гудеть, и матка пчелиная сказала: «Ступай себе домой, приходи опять утром в это же время да приноси с собою большое покрывало – все ладно будет».

Он и вернулся домой, а пчелы полетели к королевскому замку, влетели в его открытые окна, оползали все уголки его и самым тщательным образом все обзрели.

Потом они полетели в улей и так быстро сделали восковой слепок замка, что он словно разом вырос и поднялся.

Уже к вечеру все было готово, а когда портной пришел на другое утро, то увидел перед собою все это прекрасное здание. И вылеплено оно было гвоздок в гвоздок, черепичка в черепичку; при этом было оно тонко исполнено, бело как снег и очень приятно пахло медом.

Портной осторожно завернул это дивное произведение в свое покрывало и принес его к королю, который надивиться ему не мог, поставил его в самом большом из своих покоев и подарил портному большой каменный дом в награду.

Но башмачник не унывал и в третий раз пошел к королю. Он сказал: «Господин король, портному-то шепнул кто-то, что на дворе вашего замка вода в фонтане не бьет; так он похвастал, что может фонтан тот заставить в вышину выше человеческого роста бить, да еще притом и струя его как хрусталь чиста будет». Позвал король портного к себе и говорит ему: «Если завтра же утром не станет у меня вода во дворе струею бить, то на этом же самом дворе палач сократит твое тело на целую голову».

Бедняга-портной и раздумывать не стал и поспешил за городские ворота: а так как теперь опасность грозила его жизни, то слезы так и катились у него по щекам.

Между тем как он, грустный, шел по дороге, к нему подбежал жеребенок, которого он когда-то выпустил на волю и который успел превратиться в славного гнедого конька. «Настало теперь время, – сказал он, – когда и я могу тебе отплатить за твое доброе дело. Я уже знаю, что тебя печалит; садись же поскорее на меня верхом – я теперь таких двоих снести могу».

Портной словно ожил от этих слов: разом вскочил на коня, а конь во весь мах помчался к городу и прямо во двор замка. Там он с быстротою молнии три раза обежал кругом фонтана и затем пал наземь. И вдруг что-то страшно грохнуло: кусок земли с середины двора взлетел мигом вверх и перелетел через замок. И тотчас вслед за тем струя воды вышиною с человека на коне стала бить вверх и была чиста, как хрусталь, и солнце играло в ней своими разноцветными лучами.

Когда король это увидел, он вскочил от изумления, подошел к портняге и обнял его в присутствии всех.

Однако же счастье было непродолжительно. У короля дочерей было много, и притом одна красивее другой, а сына не было ни одного. И вот злой башмачник в четвертый раз пошел к королю и сказал: «Господин король, портнойто все не унимается в своем высокомерии. Теперь вот хвастает, что если бы он захотел, то аист тебе сразу бы сынка за пазухой принес!»

Король приказал позвать портного и сказал: «Если ты так сделаешь, что мне через девять дней будет сын принесен, то я выдам за тебя свою старшую дочь».

«Велика награда, – подумал про себя портняга, – чегочего из-за нее не сделал бы... Только вишни-то эти уж очень высоко висят: полезешь за ними, да подломится ветка – пожалуй, и лоб расшибешь!»

Пошел он домой, сел на свой рабочий стол, поджав ноги, и стал обдумывать, что ему делать. «Нет! – воскликнул он наконец. – Так жить нельзя спокойно! Надо отсюда уехать!» Связал свой узелок и поспешил выйти из города.

Как вышел на луга, так и увидел там своего приятеля аиста, который, словно ученый муж, преважно расхаживал взад и вперед, иногда приостанавливался, достаивал лягушку своего особого внимания и наконец ее проглатывал.

Аист подошел к Портному и с ним поздоровался. «Вижу я, что у тебя котомка за плечами; зачем же ты задумал покинуть город?» Портной рассказал ему, чего король от него потребовал, а он исполнить не может, и пожаловался на свою горькую участь.

«Ну, ты из-за этого не очень тужи, – сказал аист, – в этой беде я тебе помогу. Давным-давно уже ношу я в этот город

младенцев в пеленках, отчего же мне и принца не принести? Ступай себе домой и будь спокоен. От нынешнего дня через девять дней приходи в королевский замок – и я туда же прибуду».

Пошел портняга домой и в назначенное время направился в замок. Вскоре после того прилетел и аист и постучался в окно. Портной отворил ему, и долговязый кум осторожно вошел в окошко и пошел размеренными шагами по гладкому мраморному полу; в длинном клюве его был ребенок, прелестный как ангелочек, он протягивал ручонки к королеве.

Аист положил ей ребенка на колени, и она его целовала и миловала, и была вне себя от радости. Аист же перед отлетом снял с себя свою дорожную сумку и передал ее королеве. Сумка набита была свертками с цветными сахарными горошинками, и королева разделила их между своими маленькими дочками.

А старшей ничего не досталось – ей дали веселого портного в мужа. «Ну, – сказал он, – теперь мне все кажется, что Бог мне на шапку послал! Видно, права была матушка, когда говорила: кто на Бога надеется да счастьем не обделен, тому пропадать не приходится».

Пришлось башмачнику тачать те башмаки, в которых портняга отплясывал на своей свадьбе; а затем ему приказано было навсегда покинуть город.

Пошел он по дороге к лесу, и она привела его к виселице; изморенный дневным жаром, терзаемый злобою и ненавистью, он бросился на землю около виселицы.

Но чуть только он закрыл глаза, собираясь заснуть, оба ворона, сидевшие на головах висельников, со зловещим карканьем слетели к нему и выклевали ему очи.

Обезумевший от боли и ужаса, он устремился в лес да там, вероятно, и сгинул, потому что с той поры никто его не видывал и о нем ничего не слыхивал.

(Голосов: 3. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Бедный батрак и кошечка (Бедный работник с мельницы и кошечка)

Жил на старой мельнице старик-мельник; не было у него ни жены, ни детей, и только три батрака находились у него в услужении.

После того, как они пробыли у него уже несколько лет, он им сказал однажды: «Я уже стар и не прочь бы на печку завалиться; а вы ступайте по белу свету, и тот из вас, который приведет мне лучшего коня, получит от меня мельницу во владение да пусть уж меня до самой смерти и прокармливает».

А третий-то батрак работал на засыпке, и все его считали глупым и мельницу ему не прочили; да и сам-то он не думал, что она ему достаться может.

Вот и вышли они все трое на поиски, и когда пришли к первой деревне, то двое старших сказали глупому Гансу: «Оставайся-ка ты здесь, все равно тебе ни в жизнь не добыть ни одной клячи!» Ганс, однако же, от них не отставал, и когда наступила ночь, подошли они втроем к пещере, в которой и легли спать. Те двое, что поумнее, дождались, пока Ганс заснул, а затем встали и

ушли, покинув Ганса одного, и думали, что очень хитро поступили (а им еще придется за это поплатиться!)...

Когда солнце взошло и Ганс проснулся, он увидел, что лежит в глубокой пещере; стал кругом оглядываться и воскликнул: «Господи, да где же это я?» Тут он поднялся, выкарабкался из пещеры, вышел в лес и подумал: «Один я здесь и покинут всеми! Как доберусь я теперь до своего коня?»

Между тем как он так шел и раздумывал, попалась ему навстречу маленькая пестрая кошечка и сказала ему ласково: «Ганс, куда ты собрался?» – «Ах, отстань! Ведь ты мне ни в чем не можешь оказать помощи!» – «Я знаю, чего ты желаешь, – сказала кошечка, – ты хочешь сыскать красивого коня. Пойдем со мною и будь ты мне в течение семи лет верным слугою; так я тебе такого коня достану, какого ты в жизни в глаза не видывал!»

«Предиковинная кошка, – подумал Ганс, – но я все же хочу посмотреть, правду ли она говорит».

И вот она взяла его с собою в своей заколдованный замок, где вся прислуга у нее состояла из кошечек; и все проворно и весело бегали по лестницам вверх и вниз.

Вечером, когда кошечка с Гансом за стол сели, три кошки должны были утешать их музыкою: одна играла на контрабасе, другая на скрипке, третья в трубу трубила, преусердно раздувая щеки.

Чуть они кончали обедать, стол тотчас выносился, кошечка говорила: «Ну-ка, Ганс, потанцуй со мной». – «Нет, – отвечал он, – с кошкой я никогда не танцевал и танцевать не стану». – «Ну, так уложите его спать», – говорила кошечка остальным кошкам.

Тогда одна светила ему свечей в его опочивальне, другая разувала его, третья снимала с него чулки, четвертая задувала свечку, когда он был раздет.

Наутро они опять приходили и помогали ему выбраться из постели: одна надевала ему чулки, другая подвязывала подвязки, третья приносила обувь, четвертая умывала его и потом утирала ему лицо своим хвостиком. «Это она очень ловко и мягко умеет делать», – говорил Ганс.

Но и он, в свою очередь, должен был служить кошечке и каждый

день рубить дрова; на это выдавался ему топор серебряный, клин, и пила – тоже серебряные, и колотушка медная.

И вот он колот себе дрова для кошечки, жил у ней в доме, сладко ел и пил, но ни с кем ни разу не виделся, кроме пестрой кошечки и ее свиты.

Однажды она сказала ему: «Ступай и выкоси мне мой лужок, да высуши мне траву».

И дала ему косу серебряную, и брусок золотой, но приказала все ей возвратить.

Ганс пошел и исполнил то, что ему было приказано; выкосив луг, он принес косу, брусок и сено обратно и спросил, не может ли она теперь ему выплатить заслуженное им вознаграждение. «Нет, – сказала кошечка, – прежде ты мне должен еще одно дело сделать: вот тут и бревна на строение серебряные, и топор, и скрепы, и все необходимое тоже из серебра; построй мне из всего этого небольшой домик».

Ганс домик построил и сказал, что теперь он все выполнил, а лошади обещанной все еще нет.

А между тем условные семь лет протекли словно полгода. Спросила его кошечка, не хочет ли он выбрать из ее лошадей. «Хочу», – сказал Ганс. Тогда она ему открыла домик, и, чуть только дверь отворилась, видит он – стоят там в стойле двенадцать лошадей, статных да красивых таких, что на них сердце радовалось!

Потом она его накормила и напоила и сказала: «Ступай теперь домой; твоего коня я тебе не дам с собою, а вот через три дня сама приеду и коня приведу».

Вот и собрался Ганс в дорогу, и она сама ему показала, как пройти на мельницу, но не дала ему даже и нового платья, и должен он был остаться в старом, заштопанном полукафтани, а он за семь лет стал ему всюду и короток, и узок.

Когда он домой вернулся, то и другие два батрака тоже пришли на мельницу: оба привели коней с собою, да у одного-то конь был хром, а у другого – слеп.

«Ганс, а где же твоя-то лошадь?» – спросили его батраки. «Через три дня будет здесь».

Те расхохотались и сказали: «Ну, да уж коли ты-то лошадь

добудешь, так уж настоящая будет!»

Пошел Ганс в дом, но мельник сказал ему, чтобы он с ними не садился за стол – такая-то у него одежонка рваная и лохмотная, что пришлось бы за него стыдиться, если бы кто чужой вошел. Вот и вынесли они ему немного еды за двери, и когда вечером все спать пошли, то двое других не хотели ему и постели дать, и он, наконец, должен был забраться в гусиный загон и улечься на жесткой соломе.

Наутро, когда он проснулся, три дня-то уж и миновали; и вдруг подъехала повозка, запряженная шестериком коней, и все они так и блестели – посмотреть любо!

А при повозке был и слуга, который вел в поводу седьмую лошадь для бедного Ганса.

Из повозки же вышла красавица-королевна и вошла на мельницу, и эта королевна была та самая кошечка, у которой бедный Ганс семь лет прослужил.

Она спросила у мельника, где его младший батрак. Мельник отвечал ей: «Того мы и пустить на мельницу не можем – он весь в лохмотьях; ну и валяется где-то в гусином загоне».

Королевна приказала сейчас его позвать. Привели его, и он вынужден был рукой придерживать свой полукафтан, чтобы прикрыть прорехи на нем.

Тут слуга королевны развязал чемодан с богатым платьем, вымыл батрака и приодел, и вышел он король-королем. Затем королевна захотела посмотреть на тех лошадей, которые приведены были другими батраками: одна оказалась хромой, другая – слепой.

Тут приказала она своему слуге привести седьмую лошадь; как увидел ее мельник, так и сказал, что такой лошади еще у него на дворе и не бывало.

«А эту лошадь я привела твоему младшему батраку», – сказала королевна. «Ну, так ему отдаю и мельницу», – сказал мельник.

Но королевна подарила мельнику коня да оставила за ним и мельницу, а сама взяла своего верного Ганса, посадила с собою в повозку да с ним и уехала.

Поехали они сперва к тому маленькому домику, который Ганс построил серебряным плотничьим инструментом, а домик тот обратился в большой замок, и все в том замке серебряное да

золотое; там они и свадьбу сыграли, и стал он богат, так богат, что на весь его век богатства хватило.

Вот людям добрым и наука: пусть не говорят, будто кто не умен, так уж ни на что и не пригоден.

(Голосов: 3. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Grimm. Сказки об уже

1 СКАЗКА

Малое дитяtko получало каждый день от матери блюдце молока со сдобными крошками и всегда выносило свое блюдце во двор. Когда же дитя начинало кушать, то из стенной щели выползал домовый уж, опускал свою головку в молоко и питался вместе с дитятей. Это дитяте нравилось, и когда случалось, что уж не тотчас являлся разделить скромную трапезу, дитя его начинало так выкликать:

Уж-ужок, иди ко мне,
Вылезай из щели,
Чтобы блюдце молочка
Мы скорее съели.

Тогда уж вылезал поспешно и принимался за молоко. В благодарность за это он приносил для ребенка из своей скрытой казны всякие хорошие вещи – блестящие камешки, жемчуг и золотые игрушки. Но питался уж только молоком, а к крошкам и не притрагивался.

Вот однажды дитя взяло в руки ложечку, легонько ударило ужа по головке и сказало: «Ты должен и крошки есть».

Мать тем временем стояла на кухне, услышала, что дитя с кем-то говорит и, увидев, что оно бьет ужа по головке, выскочила из кухни с поленом и пришибла бедного ужа насмерть.

С того времени в ребенке произошла какая-то перемена. Пока уж ел с ним из одного блюда, ребенок и вырос, и окреп, а тут вдруг побледнел и стал хиреть.

Немного спустя не к добру стала завывать над домом ночная птица, а красношейка стала собирать листочки и веточки для могильного веночка – и вскоре после того ребенок уж лежал в гробу.

2 СКАЗКА

Бедная сиротка сидела у городской стены и пряла, и вдруг увидела, как уж выполз из одного отверстия в стене.

Она тотчас разостлала свой голубой шелковый платочек около себя, аужи этот цвет очень любят да на него только и идут.

Как только уж это увидел, сейчас повернул к своей щели, опять выполз из нее и принес маленькую золотую коронку, положил на платок и опять уполз.

Девочка забрала ту коронку, сплетенную из тонкой золотой проволоки, чтобы любоваться блеском ее.

Вскоре после того уж и еще раз выполз; но, увидев, что коронки уже нет на платке, он всполз на стену и до тех пор бился изо всех сил о стену головою, пока не упал со стены мертвый.

Кабы девочка на ту коронку не польстилась, уж, вероятно, еще более натаскал бы ей сокровищ из своей норы.

3 СКАЗКА

Кличет уж: «Гу-гу! гу-гу».

Говорит дитя: «Выходи сюда! Ну!»

Выходит уж, и спрашивает у него дитя про свою сестричку: «Не видал ли ты где Красного Чулочка?»

Говорит уж: «Нет, не видал: а ты как? Гу-гу, гу-гу, гу-гу».

(Голосов: 3. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Разумники (Умные люди)

Как-то раз достал мужик из угла свою палку и стал говорить жене своей: «Трина, надо мне далеко отсюда сходить, и только дня через три могу я опять вернуться. Если этим временем заглянет к нам торговец скотом да задумает купить наших трех коров, то ты можешь их отдать ему, но не дешевле чем за двести талеров, слышишь ли?» – «Ступай с Богом, – отвечала жена, – уж я это все справлю». – «Ну да, справлю! – ворчал муж. – Была ты умна в детстве, да голову зашибла, с тех пор и ум у тебя вышибло!.. Но я тебе вперед говорю: если ты тут что-нибудь напутаешь, я тебе так спину палкой нагрею, что целый год помнить будешь!» Затем он и пустился в дорогу.

На другое утро пришел торговец скотом, и хозяйке не пришлось с ним много разговаривать. Осмотрев коров и узнав их цену, он сказал: «Эту цену дам охотно, потому они ее стоят. Сейчас их с

собою и возьму». Он отвязал их от стойла и выгнал из хлева во двор.

Уж он собирался и ворота отпирать, чтобы вывести их на улицу, когда хозяйка ухватила его за рукав и сказала: «Ты прежде отдай мне двести талеров, а не то я скота отпустить не могу». – «Это верно! – отвечал торговец. – Да вся беда в том, что я свой кошелек дома забыл. Да вы не тревожьтесь, я обеспечу вам уплату. Двух-то коров возьму с собою, а третью оставляю у вас – она будет вам служить хорошим залогом».

Хозяйке это понравилось, она отпустила торговца с его коровами и подумала: «Вот Ганс-то мой как порадуется, когда увидит, что я так умно распорядилась!»

Муж вернулся, как и сказал, на третий день и тотчас спросил, проданы ли коровы. «Ну, конечно, – отвечала ему жена, – и как ты сказал, за двести талеров. Пожалуй, они столько-то и не стоили, да торговец взял их не противореча». – «А деньги где?» – спросил муж. «Да денег-то у меня нет, – отвечала жена, – он, видишь ли, забыл свой кошелек дома и обещал их вскоре принести; зато он оставил мне хороший залог». – «Какой залог?» – «А одну из трех коров; и он не ранее ее получит, как заплатив за остальных двух. Да я к тому же умно распорядилась – оставила из трех коров ту, которая поменьше, благо и ест она меньше всех».

Муж, конечно, разгневался, взмахнул своей палкой и собирался немедленно ей выдать обещанную награду, но вдруг опустил палку и сказал: «Вижу, что ты глупее всех баб во всем Божьем мире, но мне тебя жаль... Вот пойду на дорогу и три дня сряду буду ждать, не встречу ли кого-нибудь глупее тебя. Если мне посчастливится, то я тебя избавлю от наказания; а не найду, так ты немедленно получишь то, что тебе следует».

Вышел он на большую дорогу и стал выжидать, что будет. Вот и видит: едет к нему по дороге телега и на телеге едет баба стоя, хотя ей было бы удобнее присесть на охапку соломы, положенную в телеге, или идти рядом с волами, впряженными в нее.

Мужик и подумал: «Ну, эта верно из тех, что мне нужны», – вскочил с места, и давай бегать, как полоумный, перед самой

телегой. «Чего тебе надо, куманек? – спросила его баба. – Я тебя не знаю, откуда это ты взялся?» – «Да я с неба упал, – отвечал ей хитрец, – так не можете ли вы меня опять туда же взвести?» – «Нет, куманек, дороги туда не знаю. Но если ты точно с неба упал, то, конечно, можешь сказать, как там живется моему мужу – он уже там года три... Чай видел ты его там?» – «Видеть-то видел, да ведь нельзя же, чтобы всем хорошо жилось. Он там овец пасет, и эта скотинка не мало хлопот делает: то по горам лазает, то в глушь какую-нибудь затешется, а он всюду за ней бегай да сгоняй! Ну, и обтрепался, платьишком пообносился – лохмотьями с тела сваливается. Портных там вовсе нет; Святой Петр, как ты сама по сказке знаешь, никого из них туда не впускает». – «Ай, батюшки! Кто бы это мог подумать! – вскрикнула баба. – А знаешь ли, что я сделаю? Принесу сюда его праздничное платье, которое еще висит у меня дома в шкафу, в нем он там еще и пощеголять может. А ты, уж будь так добр, возмись его доставить». – «Нет, так нельзя! – сказал хитрец. – Одежды никакой нельзя проносить с собою на небо, ее еще у ворот снимают». – «Ну, так вот что! – спохватилась баба. – Я вчера свою чудесную пшеницу продала и порядочные деньжонки за нее выручила, вот эти деньги-то и пошлю ему. Ведь уж если ты кошель-то в карман сунешь, этого, конечно, никто не приметит». – «Ну, коли нельзя иначе, – возразил мужик, – так я тебе готов такое удовольствие сделать». – «Вот только посиди здесь, – сказала она, – я съезжу домой за кошель и скорехонько вернусь. Я ведь не сажусь на вязанку соломы, а еду стоя, так волам легче».

И погнала волов; а мужик подумал про себя: «Ну, эта дура не из последних, и если она мне точно привезет деньги, то моя жена может порадоваться своему счастью, потому что я ее избавлю от побоев».

И точно, немного спустя, баба бегом прибежала, деньги принесла да еще сама ему в карман их сунула. Не удовольствовавшись этим, она еще перед уходом горячо его поблагодарила за его обязательность.

Придя к себе домой, баба повстречала сына, вернувшегося с поля. Она ему рассказала, каких диковинок наслушалась, и

добавила еще: «Очень я рада тому, что представился мне случай послать кое-что моему бедненькому муженьку... Кто ж его знал, что он там, на небе, будет в чем-нибудь терпеть нужду».

Сын слушал ее, развесив уши от удивления, и сказал наконец: «Матушка, ведь этаких-то выходцев с неба не каждый день встретишь! Вот и хочу я сейчас того человека разыскать; пусть он мне расскажет, каково там живут и как работают».

Он оседлал коня и помчался что есть мочи на розыски. Разыскал мужика; тот сидел под ивой и только что собрался считать деньги, полученные от его матери. «А не видал ли ты здесь человека, который с неба пришел?» – крикнул юноша нашему хитрецу. «Видел, он уже в обратный путь направился и вот взобрался на ту гору, с которой ему все же до неба ближе путь. Ты его еще, пожалуй, и нагонишь, если поскачешь поскорее». – «Ах, – сказал юноша, – я за день-деньской поистомился, а едуци сюда и совсем устал; ты человека того знаешь, так садись на моего коня, поезжай да уговори его сюда вернуться». – «Ого! – подумал мужик. – У этого парня, кажется, тоже царя в голове нет!» И потом ответил: «Что же, придется сделать для вашего удовольствия», – вскочил в седло и поскакал крупной рысью.

Парень просидел на дороге до самой ночи, но мужик не вернулся к нему. «Верно, – подумал он, – тот, что с неба пришел, очень спешил туда возвратиться и потому не захотел сюда прийти, а мужик-то этот и отдал ему моего коня для передачи отцу моему».

Он пошел домой и сказал своей матери: «Я батюшке лошадь отправил, чтобы ему не все пешком за овцами-то там бегать». – «И отлично сделал, – ответила она, – ноги у тебя молодые, так ты можешь и без лошади обойтись».

А мужик, вернувшись домой, поставил коня рядом с коровой, оставленной в залог, потом пришел к жене и сказал: «Трина, на твое счастье, я нашел двоих, которые еще глупее тебя; на этот раз я тебя от побоев избавлю и приберегу их до другого раза».

Затем он закурил свою трубку, уселся в дедовское кресло и стал говорить: «Недурное дельце я обделал! За двух тощих коров получил в обмен сытую лошадь да еще туго набитый кошелек денег в придачу. Кабы с глупости-то всегда такие барыши приходилось брать, то я бы, пожалуй, ее и уважать готов».

Так мужик про себя раздумывал; но тебе-то, конечно, простодушные люди таких умников милее?

(Голосов: 3. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Grimm. Сладкая каша (Волшебный горшочек)

Жила-была бедная богобоязненная девочка; жила она со своею матерью одна, и есть у них стало нечего. Тогда вышла она в лес и повстречалась там со старухой, которая уже заранее знала, в чем ее горе. И подарила та старуха ей горшочек, да такой, что ему стоило только сказать: «Горшочек, вари!» – и он начинал варить чудесную, сладкую кашу. А скажешь ему: «Горшочек, полно!» – и он тотчас же переставал варить. Принесла девочка свой горшочек к матери домой, и таким образом они от голода и бедности были избавлены и могли кушать сладкую кашу, сколько душе угодно.

Случилось однажды, что девочки не было дома, а ее мать возьми и скажи: «Горшочек, вари!» И стал он варить, и наелась она досыта; затем захотела мать, чтобы он не варил больше, да слово-то и позабыла...

А горшочек-то варит да варит: каша уж и через край вылезает, а он все варит; уж и кухня, и весь домик кашей наполнились, а затем и соседний дом, и вся улица кашей залиты, словно бы горшочек задумал наварить каши на весь белый свет. И беда для всех настала, и никто не мог той беде помочь. Наконец, когда уже изо всей деревни один только домик остался кашей не залит, вернулась девочка домой и только сказала: «Горшочек, полно!» – и перестал горшочек варить...

А наварил он столько, что, если кому надо было в город из деревни ехать, тот должен был себе в каше проехать дорогу!

(Голосов: 3. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Grimm. Королёк и медведь

Однажды летом вышли медведь и волк в лес на прогулку, и услышал медведь такое чудесное пение какой-то птицы, что даже спросил: «Братец волк, что это за птичка, что так хорошо поет?» – «0, это царица всех птиц, – сказал волк, –

перед нею все мы должны преклоняться...»

А птица-то была королек. «Коли так, – сказал медведь, – так мне бы очень хотелось посмотреть на ее царский дворец; пойдём, сведи меня туда». – «Так-то не положено, – сказал волк, – тебе придется подождать прибытия самой царицы».

Вскоре после того прилетела госпожа царица и корм держала в клюве, и супруг ее тоже, и оба собирались кормить своих птенцов. Медведь охотно бы последовал за ними, но волк удержал его и сказал: «Нет, ты должен обождать, пока царь и царица опять отлетят».

Заметили они то дупло, в котором было свито гнездо королька, и пошли прочь.

Но медведю не терпелось: хотелось посмотреть на царский дворец, и он немного спустя опять вернулся на то же место.

А царь-то с царицею как раз в это время были в отлете; заглянул медведь в дупло и видит – лежат там пять или шесть птенцов в гнезде. «Так это-то есть царский дворец? – воскликнул медведь. – Ну и жалкий же этот дворец! Да и вы, какие вы царские дети? Вы – просто подкидыши!»

Как услышали это юные птенцы-корольки, так и озлились, и закричали: «Нет, мы не подкидыши! Наши родители честные люди! Медведь! Так и знай – придется тебе за эти слова отвечать!»

Медведь и волк этой угрозы испугались, они поворотили оглобли и убралась в свои берлоги.

А юные птенцы-корольки продолжали кричать и шуметь, и когда их родители опять вернулись с кормом, они им сказали: «Мы не прикоснемся ни к одной мушиной ножке, хотя бы нам пришлось и помирать с голода, пока вы не подтвердите нам, что мы дети честных родителей, а не подкидыши! А то приходил сюда медведь и осмелился нас так выбрать!»

Тогда сказал старый королек: «Успокойтесь, это будет доказано!» Затем он полетел со своею супругою к пещере медведя, опустился перед входом в нее и крикнул туда: «Старый ворчун-медведь, зачем ты выбрал моих детей? Это тебе даром не пройдет – мы это дело кровавой войной решим!»

Таким образом, объявлена была медведю война, и на нее были

призваны все четвероногие: бык, осел, весь рогатый скот, олень, лось и все какие ни есть звери на земле. А королек созвал всех летающих в воздухе: не только птиц, больших и малых, но также и мух, и комаров, и пчел, и шершней.

Когда пришло время войне начинаться, королек выслал разведчиков, чтобы узнать, кто назначен главным командиром в неприятельском войске.

Комар был на этой стороне хитрее всех, летал по лесу, где неприятель собирал свои силы, и наконец, уселся под листком на дереве, под которым неприятельским войском был принят пароль.

Вот и поднялся со своего места медведь, подозвал к себе лиса и сказал: «Лис, ты лукавее всех зверей! Тебе и быть генералом и командовать нами». – «Хорошо, – сказал лис, – но какой же условный знак нам принять?»

Никто не знал.

Тогда лис проговорил: «Хвост у меня прекрасный, длинный и пушистый, и очень напоминает собою пучок красных перьев; если я хвост буду держать прямо и вверх, это будет значить, что все идет ладно, и вам всем тогда наступать следует; а если я опущу хвост, то бегите что есть мочи».

Все это выслушал комар, полетел обратно и обо всем в подробности доложил королю.

Когда наступил тот день, в который предстояло дать решительную битву, сбегалось все четвероногое воинство с таким шумом, что земля от него дрожала.

И королек также прилетел по воздуху со своим войском, которое кричало, носилось и жужжало в воздухе так, что становилось страшно; и стали оба войска сходить на битву...

А королек и выслал шершня, приказав ему ужалить лисицу в самый хвост.

После первого укола жалом лисица только вздрогнула да ногой дрыгнула, однако же вынесла боль и все еще продолжала держать хвост прямо и высоко; при втором уколе жала она хвост на мгновение опустила; при третьем уколе – не выдержала, взвизгнула и подвернула хвост между ног.

Чуть только это звери увидели, им пришло в голову, что все уже потеряно, и все они пустились бежать, каждый к своему

логовищу.

Так птицы и выиграли сражение.

Тогда полетели королек и его супруга к своим деткам и закричали им: «Детки, радуйтесь, и кушайте, и пейте на здоровье – победа за нами!» Молодые птенчики, однако же, отвечали: «И теперь еще есть не станем; пусть-ка прежде медведь придет к нашему гнезду да извинится и признает, что мы дети честных родителей».

Полетел королек к логовищу медведя и крикнул: «Старый ворчун, ступай-ка к гнезду моих птенцов, проси у них прощенья да признай их детьми честных родителей, не то у тебя все ребра пересчитаю».

И вот поплелся медведь в великом страхе к гнезду и просил извинения.

Только тут уж юные птенцы королька были вполне удовлетворены, сели в кружок, стали есть и пить, и веселились до поздней ночи.

(Голосов: 3. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Гримм.

Медвежник (Медвежатник)

Жил-был некогда на свете молодой парень, которого завербовали в солдаты; он бился храбро и был всегда впереди там, где сыпался свинцовый горох.

Пока длилась война, все шло ладно; но с заключением мира он получил отставку, и капитан сказал ему, что он может идти на все четыре стороны.

Родители его уже померли, родительского крова у него не было; вот и пошел он к своим братьям и стал их просить, чтобы они прокормили его до начала новой войны.

Но братья его были жестокосердны и сказали: «Где нам с тобой возиться? Ты нам не нужен – поди, сам себя пропитывай». У солдата за душою было только его ружье, его и взял он на плечо и задумал с ним брести по свету.

Вот и пришел он на большую поляну, на которой ничего не было, только деревья кругом росли; под одним из них и присел бедняк и стал о своей судьбе раздумывать. «Денег у меня нет, – думал он, – и ничему-то я не научен, кроме военного ремесла; а теперь, как мир заключен, так и не нужен я никому; вперед вижу, что придется подохнуть с голода».

Вдруг послышался какой-то шум, и когда он оглянулся, то увидел перед собою незнакомца в зеленой одежде, молодежаватого на вид, но с прескверными лошадиными копытами вместо ног. «Знаю я, что тебе нужно, – сказал он солдату, – денег и всякого добра у тебя будет столько, сколько у тебя хватит сил потратить; но только я вперед должен знать, что ты не трус, чтобы не даром на тебя тратить деньги». – «Солдат, да чтобы трусом был! Об этом я что-то не слышал... А впрочем, можешь испытать меня». – «Ладно, – сказал незнакомец, – вот, оглянись-ка назад».

Солдат оглянулся и увидел большого медведя, который с урчанием шел прямо на него. «Ого! – сказал солдат. – Дай-ка я тебя, приятель, так под носом пощекочу, что у тебя к урчанию охота пропадет!» – приложился и выстрелом свалил медведя недвижимым на землю.

«Вижу, – сказал незнакомец, – что у тебя нет недостатка в храбрости; но я должен предложить тебе еще одно обязательное условие...» – «Если только оно не помешает спасению моей души, – сказал солдат (он уж знал, с кем имеет дело), – а то я ни за что не соглашусь». – «А вот сам увидишь, – сказал незнакомец, – ты должен пообещать мне, что в ближайшие семь лет не будешь мыться, бороды и волос не будешь чесать, ногтей не станешь стричь и молитв читать не будешь. Сверх того, я дам тебе такую одежду и плащ, которые ты в течение этого времени должен носить не снимая. Коли ты не умрешь в течение этих семи лет, то ты будешь свободен и богат на всю жизнь».

Солдат подумал о той крайности, в которой он находился, вспомнил, сколько раз случилось ему идти на смерть, и решился еще раз в жизни рискнуть, и дал свое согласие черту.

Тот снял с себя зеленую одежду, подал ее солдату и сказал: «Если ты это платье наденешь и сунешь руку в карман, то всегда вынешь из него полнешенькую горсть денег».

Потом он содрал с медведя шкуру и сказал: «Эта шкура должна тебе служить плащом и постелью; на ней ты должен спать и ни в какую иную постель не ложиться. По этому плащу ты и должен называться медвежником».

Сказав эти слова, черт исчез.

Солдат надел зеленую одежду, сунул тотчас руку в карман и нашел, что все сказанное дьяволом было совершенно верно.

Затем накинул он на плечи медвежью шкуру, побрел по белу свету, был очень весел и доволен и не упускал случая повеселить себя и потратить деньги.

В первый год перемена в нем была еще не очень заметна, но во второй он уже смотрелся настоящим чудовищем. Волосы почти закрывали ему лицо, борода походила на сплошной кусок грубого войлока, на пальцах были словно когти, а на лице – такой слой грязи, что хоть траву на нем сей.

Кто его видел, тот от него прочь бежал; но так как он всюду раздавал бедным деньги, прося их молиться за него и просить у Бога, чтобы он в течение семи лет не умер, так как притом он за все отлично расплачивался, то он все же еще находил себе всюду приют.

Но на четвертый год пришел он в гостиницу, и хозяин ее уже не хотел его впускать и даже в хлеву не соглашался поместить его, потому что боялся лошадей своих перепугать.

Однако же, когда медвежник сунул руку в карман и вытащил оттуда горсть дукатов, то хозяин несколько смягчился и отвел ему комнатку в заднем флигельке.

Но все же взял с него слово, что он не будет никуда из комнаты выходить, чтобы не пустить дурную славу об его гостинице.

В тот день вечером, когда медвежник сидел один и от всей души желал, чтобы условные семь лет поскорее прошли, он услышал в одной из смежных комнат громкий жалобный плач. Сердце у него было сострадающее; он отворил дверь в соседнюю комнату и увидел там пожилого человека, который плакал навзрыд, в отчаянии беспрестанно хватаясь за голову.

Медвежник подошел к нему, но тот вскочил и собрался бежать. Наконец, несколько оправившись от испуга и услышав человеческий голос, он опомнился, и медвежнику ласковым обращением к нему удалось-таки выяснить повод его сокрушений. Оказалось, что его состояние мало-помалу разлетелось прахом; он и его дочери должны были терпеть крайнюю нужду во всем. Наконец, он так обеднял, что ему нечем было заплатить хозяину за квартиру, и ему грозила тюрьма.

«Коли у вас нет никаких других забот, – сказал медвежник, – то денег у меня достаточно, и я могу вам помочь». Он призвал хозяина, уплатил ему долг постояльца и сверх того сунул еще несчастному в карман полный кошелек золота.

Когда старик был таким образом избавлен от своих тяжелых забот, он уже не знал, чем выразить признательность к своему благодетелю. «Пойдем ко мне, – сказал он, – дочери у меня чудные красавицы; выбирай себе из них любую в жены. Когда они узнают, что ты для меня сделал, то ни одна из них тебе не откажет. Ты, правда, не особенно красив; ну да жена тебя

сумеет привести в порядок».

Медвежнику это предложение пришлось по сердцу, и он пошел за своим новым знакомцем.

Когда старшая дочь его увидела, она так ужаснулась его внешности, что взвизгнула и прочь побежала; другая, хотя и не побежала, оглядела его от головы до пяток, однако же сказала: «Как же могу я взять себе в мужа того, кто и облика человеческого не имеет? Да я скорее вышла бы замуж за обритого медведя, которого мы здесь однажды видели; он старался казаться человеком – на нем был и гусарский ментик, и белые перчатки. Будь он только безобразен, я бы еще как-нибудь могла с ним свыкнуться...»

А младшая дочь сказала: «Милый батюшка, это, верно, хороший человек, потому что он помог вам выпутаться из нужды; и если вы ему в награду за эту услугу обещали дочь в невесты, то ваше слово должно быть твердо».

Жаль, что лицо медвежника было прикрыто волосами и густым слоем грязи, а то было бы видно, как его сердце радовалось, когда он услышал эти добрые слова!

Он снял кольцо с пальца, разломил его пополам и отдал одну половинку ей, а другую удержал при себе. На ее половинке написал он свое имя, а на своей половинке ее имя и просил ее тщательно поберечь эту половинку.

Затем он простился с ней и сказал: «Я должен еще три года странствовать по белу свету, и если не вернусь по истечении их, то ты свободна – это будет значить, что я умер. Но моли же Господа о том, чтобы он сохранил мне жизнь».

Бедная невеста оделась вся в черное, и каждый раз, как ее жених приходил ей на память, слезы навертывались у нее на глаза. Со стороны сестер своих она видела только насмешки и глумление. «Смотри, – сказала старшая, – не давай ему руки, а то он, пожалуй, по руке ударит тебя лапой!» – «Берегись, – говорила вторая сестра, – медведи ведь большие сластены; так если ты ему понравишься, он, пожалуй, еще съест тебя». – «Тебе всегда придется исполнять его волю, – говорила старшая, – а не то он, пожалуй, еще ворчать станет». А вторая сестра подхватывала: «Ну, зато свадьба будет веселая – медведи-то

ведь хорошо пляшут!»

Невеста молчала и не давала сбить себя с толку. А медвежник тем временем бродил по белу свету из места в место, делая добро, где мог, и подавал бедным щедрую милостыню, прося их, чтобы они за него молились.

С рассветом последнего дня условленных семи лет он снова вышел на ту же поляну и сел под одно из деревьев, которые росли кругом ее. Вскоре засвистал ветер, и черт явился перед ним хмурый и сердитый; он бросил ему старое его платье, а от него потребовал обратно свою зеленую одежду. «Нет, погоди еще! – сказал медвежник. – Сначала ты еще меня очистить должен».

Волей-неволей пришлось черту воды принести, чтобы обмыть медвежника, пришлось расчесать ему волосы и обрезать ногти, и стал он по-прежнему бравым военным да еще, пожалуй, красивее прежнего.

Когда черт благополучно удалился, то у медвежника полегчало на сердце.

Он пошел в город, оделся в богатую бархатную одежду, сел в повозку, запряженную четверкой резвых саврасых коней, и поехал к дому своей невесты.

Никто его узнать не мог. Отец невесты счел его за знатного полковника и ввел прямо в комнату, где сидели его дочери.

Он должен был сесть за столом между двумя старшими: они угощали его вином, клали ему на тарелку лучшие куски, и им казалось, что они еще никогда не видывали мужчины красивее его. Невеста же сидела против него в своем черном платье, глаз на него не поднимала и слова не проронила.

Когда же он, наконец, спросил отца, не отдаст ли он за него одну из своих дочерей, обе старшие дочери вскочили из-за стола и побежали в свою комнату, собираясь нарядиться в лучшие платья, потому что каждая из них воображала, что именно она и есть избранница этого красавца.

Приезжий гость, оставшись наедине со своею невестою, вынул половинку кольца и бросил в тот кубок, который он ей подал. Она приняла кубок, выпила его – и как же забилося ее сердце, когда она увидела на дне половинку кольца!

Она вынула свою половинку кольца, которую носила на шее на

ленточке, приложила ее к этой половинке, и оказалось, что обе части как раз подходят одна к другой.

Тогда он сказал ей: «Я твой нареченный жених, которого ты видела медвежником; но теперь по милости Божией я вновь получил свой человеческий образ и вновь очистился». Он подошел к ней, обнял ее и поцеловал.

Между тем обе сестры невесты вошли в комнату в полном наряде, и когда увидели, что приезжий красавец достался на долю их младшей сестры, да еще услышали, что он и есть тот самый медвежник, они выбежали из комнаты, исполненные злобы и ярости: одна утопилась в колодце, другая повесилась на первом же дереве.

Вечером кто-то постучался у дверей дома невесты, и когда жених отпер двери, то увидел перед собою черта в его зеленой одежде. «Видишь, – сказал черт, – за одну твою душу я теперь две души получил!»

(Голосов: 3. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...